

С. В. ДАНЬКО

Этика, предрассудки и сверхъестественное в свете идей Л. Витгенштейна

Высшее и предрассудки

Все дальнейшее можно считать пространным комментарием к утверждению Л. Витгенштейна «Как есть мир для высшего совершенно безразлично. Бог не проявляется в мире»¹. В наши задачи не входит подробный историко-философский анализ обсуждаемых вопросов, мы обсудим проблему только с учетом некоторых «ранних» идей Витгенштейна и практики реальной жизни, лишь кратко коснувшись истории вопроса.

Витгенштейн избегает прямых определений Высшего или сверхъестественного: следуя его замыслу, мы должны понять, что *не является* Высшим, и затем распространить это понимание на все, что в состоянии помыслить. Витгенштейн стремится очистить наши представления от неосознанной абсолютизации происходящего: «Все, что мы видим, может быть также другим. Все, что мы можем вообще описать, может также быть другим. Нет никакого априорного порядка вещей»²; «все происходящее и *такое* — случайно»³.

Можно предположить, что приведенные высказывания Витгенштейна в первую очередь касаются «законов природы», как «априорного порядка вещей», но это не совсем так, и дело, даже, не в том, существуют законы природы или нет. Важно, что современный человек не склонен обожествлять или субъективировать те силы, которые, гипотетически, организуют природу: законы природы полагаются, скорее, «естественными», нежели «сверхъестественными».

Предрассудки, о которых далее пойдет речь, не вполне таковы. «Могущественные силы», которые в них подразумеваются,

¹ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958. 6.432.

² Там же. 5.634.

³ Там же. 6.41.

скорее, «сверхъестественны», они «контролируют» нашу жизнь, а не природные процессы. Значит, эти силы должны каким-то образом «понимать» нашу жизнь, проявлять заинтересованность в том, что с нами происходит.

Поэтому не исключено, что приведенные высказывания Витгенштейна стоит учитывать, прежде всего, в сфере собственно человеческих смыслов и ценностей (в духе известной фразы «кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится»⁴). Именно в этой сфере проявляется склонность людей верить в существование разумных и могущественных сил, способных управлять происходящим или произвольно его менять. Эти силы понимаются и чувствуются как нечто Высшее, сверхъестественное, хотя, с точки зрения Витгенштейна их, скорее, следует считать искажением, принижением Высшего, нежели самим Высшим, поскольку Высшее, как он замечает, не вмешивается в события нашего мира, нашей жизни, не влияет на происходящее, делая его *таким*, а не иным.

Связывание происходящего с высшими силами, доверие или недоверие Высшему может проявляться в искусстве, религии, философии, в морали и, как мы предположили, в предрассудках. Нас будут интересовать два последних случая. Нашей задачей будет либо убедиться в том, что связь с Высшим во всех случаях есть плод воображения, либо признать, что связь с Высшим, в том или ином случае, все-таки присутствует, и попытаться проследить характер этой связи.

Для начала приведем несколько примеров, показав, как условная связь с Высшим обнаруживает себя в предрассудках: в приметах, в ритуализации, в реакции на совпадения, в предсказаниях, в оценках событий нашей или чужой жизни, в оценках поступков, в вере в чудеса.

1. Черная кошка, перешедшая дорогу, разбитое зеркало и т.п. — толкуется как знак судьбы — «не к добру». При этом неявно предполагается, что невидимому и всемогущему Абсолюту, который распоряжается всем, что происходит, есть до нас дело, и нам посылается знак. Заодно, фатальность приписывается и тому плохому, что должно произойти: оно становится неизбежным, предначертанным «свыше».

2. В предсказаниях тоже предполагается некая абсолютная сила судьбы, которая неминуемо ведет события жизни к какой-то развязке. О том, какова будет эта развязка, свидетельствуют особые знаки (карты, кофейная гуща, линии на руке

⁴ Булгаков М. Мастер и Маргарита. М., 2015. С. 15.

и т. п.). Предсказанные события своей жизни мы тоже полагаем отмеченными Абсолютом (предусмотренными судьбой как высшей силой).

3. В тяжелых обстоятельствах мы иногда не вполне осознанно предполагаем, что за все наши мучения нам «воздастся», в других случаях ждем возмездия за проступки, или опасаемся, что высшая сила компенсирует неожиданное везение.

4. У многих людей есть набор повседневных ритуалов, которые не слишком усложняют жизнь, хотя склонность к этому вовсе небезобидна. Наиболее опасный вид ритуализации проявляется в клиническом состоянии (обсессивный синдром). Страдающие этим синдромом люди шагу не могут ступить, не оглядываясь на нечто невидимое, которое жестко их «контролирует». Страдающие этой болезнью могут не знать, что одержимы Высшим. Но они, безусловно, приписывают миру желание и способность их контролировать, и всю свою жизнь они выстраивают в согласии с иррациональными «требованиями» Абсолюта, изо всех сил стараясь их распознать. Например, оттачивают интуицию на то, в какую сторону должны смотреть носы ботинок в прихожей и т. п.

Применимо ко всем перечисленным и подобным случаям, позиция «Высшее не проявляется в мире» предполагает, что происходящее не означает ничего «сверх» того, что оно означает с позиции естественного опыта. Глубоко проникнуться идеей «Высшее не проявляется в мире», означает перестать видеть в происходящем предзнаменования, знаки «свыше», перестать верить в приметы, перестать ожидать от мира поощрения или наказания, и, в идеале, избавиться от обсессивных реакций: перестать заботиться о положении ложки в тарелке, количестве шагов до остановки трамвая и т. п. Допускаем, что это выглядит слишком категорично или упрощенно, но на определенном уровне подобный инсайт видимо, может состояться.

Добавим, что даже воплощенные в реальности «чудеса» не могут свидетельствовать о проявления Высшего: насколько можно судить, с позиций Витгенштейна не будет кощунством усомниться в сверхъестественном происхождении любого чудесного *события*. Чудесные, или, скажем, необычные события могут привести в изумление, но, с другой стороны, можно заметить, что никаких надежных свидетельств вмешательства Высшего в нашу жизнь у нас не будет, *что бы ни произошло*: мало ли чем может являться лик на небе, глас с небес и прочие загадочные события. Скепсис такого рода выражал Сартр: «У одной сумасшедшей были галлюцинации: с ней говорили по телефону и отдавали приказания.

На вопрос врача: «Кто же с вами разговаривает?» — она ответила: «Он говорит, что он бог». Но что же служило ей доказательством, что это был бог? Если мне явится ангел, то откуда я узнаю, что это и на самом деле ангел? И если я услышу голоса, то что докажет, что они доносятся с небес, а не из ада или подсознания, что это не следствие патологического состояния?»⁵.

Так или иначе, самое необычное явление, сколь угодно странное — есть, всего лишь, еще одна картина среди прочих картин, с которыми мы сталкиваемся в жизни, хотя и несколько необычная картина. Скажем так: она изображена теми же средствами, что и все прочие картины, тот же холст, те же краски. Вот в чем проблема: ничего сверхъестественного не может быть изображено естественными средствами, т. е. средствами, доступными обычному наблюдению и пониманию. Возможно, как уже было сказано, у нас есть интуиции, в связи с которыми мы склонны говорить о сверхъестественном, но у нас нет способа их прояснить и строго соотнести с тем, что происходит в жизни.

Об этом свидетельствует язык, который показывает границы всего, что мы в состоянии помыслить или представить: «Наши слова <...> это просто сосуды, способные сохранять и передавать значение и смысл, естественные значение и смысл»⁶. Мы словно находимся под невидимым, но непроницаемым колпаком, который отграничивает нас от всего, что превосходило бы обыденное (или естественнонаучное) понимание мира, единственного понятного нам мира, в котором мы ничего не знаем и не можем знать о Высшем.

Остается, однако, вопрос: если Высшее в нашем мире никак не предъявлено и не может быть предъявлено, как мы можем рассуждать об этом? Чего именно нет в нашем мире?

Витгенштейн говорит об особом взгляде на мир, или точке зрения, с которой мир выступает как нечто мистическое⁷. Предложения о мире, воспринятом в таком аспекте, оказываются бессмысленными, поскольку ничего не говорят о происходящем. Можно, например, удивляться тому, что мир существует, но существование мира — это не событие, не то, что сегодня есть,

⁵ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С. 325.

⁶ Витгенштейн Л. Лекция об этике // Историко-философский ежегодник. М., 1989. С. 241.

⁷ McGuinness B. F. The Mysticism of the Tractatus. The Philosophical Review. Vol. 75, No. 3 (Jul., 1966), pp. 305–328; Zemach E. Wittgenstein's Philosophy of the Mystical. The Review of Metaphysics. Vol. 18, No. 1 (Sep., 1964). PP. 38–57.

а завтра — нет. Мистическое удивление не имеет отношения к своеобразию каких-либо необычных вещей, оно касается *всех* вещей, независимо от того, *какие* они, поскольку необъяснимо и крайне загадочно само их существование: «Я удивляюсь небу, каким бы оно ни было»⁸. Мир необъясним в своем существовании, само его существование — *сверхъестественно*, что и придает всем событиям нашей жизни оттенок мистического. Мы чувствуем волшебство мира, но полагаем, что это волшебство должно выразиться в необычных явлениях и связях между ними. Какую ошибку мы при этом совершаем? В поисках необычных объектов и ситуаций, нарушающих привычный ход вещей, мы «удваиваем» волшебство: то, что *уже* есть чудо, мы искажаем, или украшаем, преобразуем в воображении или восприятии в нечто такое, что в состоянии хоть как-то представить, и вместо чуда получаем подделку. То, что небо вообще *есть* — уже чудо, но мы желаем, чтобы оно украсилось ликом, что заставило бы нас удивиться и признать наличие чуда. Однако, таким образом мы отрицаем подлинное чудо.

Чудо, сверхъестественное — есть мистический фон всех событий, но не какое-то определенное событие. Разглядеть этот фон невозможно, о нем ничего нельзя сказать: язык позволяет описывать только то, что происходит. Высшее не проявляется в *особых* событиях, поэтому относительно Высшего все события «равноценны».

Далее мы обсудим предположение, что *Высшее не проявляется в мире, но проявляется в этическом отношении к миру*. И на этом лишь основании, на основании личного отношения человека к миру, можно провести различия между предрассудком и моралью.

Высшее и этическое

На первый взгляд, нетрудно разобраться, чем мы руководствуемся в своих поступках: моралью или предрассудками (стремление вернуть долг, очевидно, продиктовано моральной ценностью, а нежелание передавать купюры поздним вечером, связано с дурной приметой). Но при ближайшем рассмотрении окажется, что не так легко обнаружить, чем, собственно, этическое отличается от предрассудков, ведь мы, в любом случае, не можем указать основания того и другого, избегая психологи-

⁸ *Витгенштейн Л.* Лекция об этике // Историко-философский ежегодник. С. 243.

ческой интерпретации. А психологическая интерпретация, как известно, может предложить лишь условные, относительные основания, и тогда отличие морального выбора от предрассудка тоже станет условным и относительным.

Попытаемся, все же, найти «абсолютные» различия между моралью и предрассудками в интересующем нас отношении к Высшему. Здесь, конечно, возникает трудность, связанная с обилием этических систем в философии. В дальнейших кратких комментариях мы будем держаться подходов Канта и Витгенштейна: взгляды раннего Витгенштейна во многом близки ригоризму И. Канта⁹, а некоторые расхождения для данного исследования не принципиальны. Итак, выделим то, что считаем наиболее существенным и очевидным.

Как было показано, в предрассудках Высшее активно «вмешивается» в жизнь, преследует человека в его повседневных делах, отрицает естественный порядок вещей, сообщая вещам колдовские свойства. В таких представлениях Высшее располагается на уровне происходящего в мире: ему есть дело до пятницы тринадцатого, до погоды в ответственные дни, до маршрутов черных кошек и расположения ботинок в прихожей и т. п. С этим связана еще одна особенность предрассудков: неоправданное вовлечение Высшего в нашу жизнь, как правило, сопровождается иррациональным страхом, побуждающим прибегать к противоестественным средствам «защиты», колдовству, заклинаниями и т. п.

Теперь соотнесем эти особенности с мотивациями этического характера. Мораль, в отличие от предрассудков, не основывается на страхе, связанном с психологическими или физическими страданиями. Следуя предрассудкам, человек стремится себя обезопасить, а следование долгу, напротив, допускает и даже предполагает страдания. В терминах кантовской этики можно сказать, что мотивация в предрассудках «гетерономна», а не «автономна» (последнее является, по Канту, основным требованием этики долженствования¹⁰).

Кроме того, в этических мотивах почитается естественный ход вещей: никаким материальным объектам или ситуациями не приписываются временные или постоянные сверхъестественные свойства. В этическом отношении нет ничего, что можно было бы представить, как колдовство или мистику. Повышен-

⁹ Walker J. Wittgenstein's Earlier Ethics. *American Philosophical Quarterly*. Vol. 5, No. 4 (Oct., 1968). Pp. 219–232.

¹⁰ Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Соч.: в 8 т. Т. 4. М., 1994. С. 219.

ная значимость некоторых событий, и даже их сверхценность не предполагает мистического воздаяния или наказания. Иными словами, в морали (в отличие от предрассудков), присутствует не мистификация реальности, а пиетет, ценностное *отношение* (этическое или эстетическое) к тому, что уже дано нам с очевидностью. Поэтому для этического выбора не требуется «обратная интерпретация», которая приводилась для предрассудков: этика не включает Высшее в мир, а предполагает отношение к миру с позиции Высшего, или высших идеалов (что Кант обозначил как «моральное чувство»¹¹, а Витгенштейн как чувствование «этической ценности»¹²).

Итак, в той мере, в какой человек склонен к предрассудкам, он будет опасаться черной кошки, в которой, якобы, сосредоточились опасные намерения Высшего. В той мере, в какой он морален, он не может ее пристрелить, даже если одержим суеверием, но не потому, что за этим последует наказание со стороны Высшего. Для морального субъекта нет никаких *особых* объектов или событий, в которых «размещается» или специфическим образом отражается Высшее, но есть идеалы, как некое предельное мерило ценности происходящего.

¹¹ Там же. С. 221.

¹² *Витгенштейн Л.* Лекция об этике // Историко-философский ежегодник. С. 240.